

УДК 81'25
DOI: 10.36979/1694-500X-2024-24-10-143-154

**РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР ДЕТЕРМИНАЦИИ КОНЦЕПТОВ
“СВОБОДА” И “КОНТРОЛЬ” В РОМАНЕ ДЖОРДЖА ОРУЭЛЛА “1984”:
ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

О.Ю. Шубина, А.А. Тимашева

Аннотация. Изучена роль персональной и коллективной референциальной перцепции в процессе перевода, а также их влияния на понимание и восприятие текста переводчиком и целевой аудиторией. Предложен алгоритм анализа референциального статуса языковых и неязыковых средств в оригинале и переводе, показано, как персональные и коллективные референциальные перцепции влияют на восприятие текста и референциальный выбор переводчика. Научная новизна исследования заключается в новом подходе к переводческому анализу, акцентирующему внимание на референциальном статусе языковых и неязыковых средств, что может влиять на появление семантического сдвига. Особое внимание уделяется различиям в восприятии концепций свободы и контроля в разных культурах. Авторы приходят к выводу, что понимание индивидуальной и коллективной когнитивной базы переводчика позволяет достичь оптимальной адекватности перевода и обойти когнитивный диссонанс. Результаты расширяют парадигму переводческих стратегий и могут быть использованы в подготовке переводчиков.

Ключевые слова: персональная референциальная перцепция; коллективная референциальная перцепция; концепт; коннотация; референциальный выбор.

**ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛДИН “1984” РОМАНЫНДАГЫ “ЭРКИНДИК”
ЖАНА “КӨЗӨМӨЛ” ТҮШҮНҮКТӨРҮН АНЫКТООНУН
РЕФЕРЕНЦИАЛДУУ ФАКТОРУ: КОТОРМОЧУЛУК ИЗИЛДӨӨЛӨР**

О.Ю. Шубина, А.А. Тимашева

Аннотация. Макалада персоналдык жана коллективдик референциалдык перцепциянын котормо процессиндеги ролу жана алардын котормочунун жана максаттуу аудиториянын текстти түшүнүүсүнө жана кабыл алуусуна тийгизген таасири изилденет. Оригиналда жана котормодо тилдик жана тилсиз каражаттардын референциалдык статусун анализдөөнүн алгоритми сунушталып, персоналдык жана коллективдик референциалдык перцепциялар текстти кабыл алууга жана котормочунун референциалдык тандоосуна кандай таасир тийгизери көрсөтүлгөн. Изилдөөнүн илимий жаңылыгы – котормо анализине жаңы ыкманы сунуштоо, тилдик жана тилсиз каражаттардын референциалдык статусуна басым жасоо, бул семантикалык жылыштын пайда болушуна таасир эте алат. Ар түрдүү маданияттарда эркиндик жана көзөмөл концепцияларындагы айырмачылыктарга өзгөчө көңүл бурулат. Авторлор котормочунун индивидуалдык жана коллективдик когнитивдик базасын түшүнүү семантикалык жылыштын себептерин түшүнүүгө жана когнитивдик диссонансты жоюуга мүмкүнчүлүк берет деген тыянакка келишет. Натыйжалар котормо стратегияларынын түшүнүгүн кеңейтип, котормочуларды даярдоодо колдонулушу мүмкүн.

Түйүндүү сөздөр: персоналдык референциалдык перцепция; коллективдик референциалдык перцепция; концепт; коннотация; референциалдык тандоо.

REFERENCE FACTOR DETERMINING CONCEPTS
OF “FREEDOM” AND “CONTROL” IN GEORGE
ORWELL’S NOVEL “1984”: TRANSLATION RESEARCH

O.Yu. Shubina, A.A. Timasheva

Abstract. The article is concerned with studying the role of personal and collective reference percepts in the translation process, as well as their influence on text comprehension by the translator and target audience. The paper suggests an algorithm analysis of the reference status of linguistic and non-linguistic means in the original and translation. It is shown how personal and collective reference percepts influence text comprehension and the translator’s reference choice. The scientific novelty of the study lies in a new approach to translation analysis, focusing on the reference status of language and non-linguistic means which may affect the semantic shift appearance. Special attention is paid to the different perceptions of the concepts of freedom and control in different cultures. The authors conclude that understanding the translator’s individual and collective cognitive base ensures optimal translation adequacy and avoids cognitive dissonance. The findings expand the paradigm of translation strategies and can be applied in teaching translators.

Keywords: personal reference percept; collective reference percept; concept; connotation; reference choice.

В конце прошлого века современная лингвистика сделала значительный шаг вперёд в понимании языка, перестав рассматривать его “в самом себе и для себя” и перейдя к новой парадигме, где язык рассматривается с точки зрения его роли в познавательной деятельности человека. Этот переход позволяет нам глубже и более комплексно изучить языковой аспект жизни человека [1, с. 4].

Человек обладает двумя основными типами познания – чувственным и рациональным. Чувственным познанием он постигает объективную реальность на уровне органов чувств и явлений, получая первичное представление о мире. Но такое познание ограничено лишь поверхностным восприятием объектов и не позволяет в полной мере понять их глубинные истины, скрытые свойства, общие логические связи и отношения.

Отказ от инстинктов и переход к мышлению в процессе эволюции позволил преодолеть ограничения чувственного восприятия. Мышление представляет собой более высокий и качественно новый уровень познания – рациональный. От простого отражения отдельных явлений или объектов человек переходит к абстрактному пониманию. Важно понимать, что ни один из типов познания не преобладает над другим: они дополняют друг друга и лишь вместе позволяют нам создать полную картину мира. Чувственное познание – это основа для рационального познания, которое в свою очередь позволяет расширить и углубить знания, получен-

ные органами чувств. Но, поскольку свойства предметов скрыты не сколько в них самих, сколько в самом разуме человека, для их отражения используются специальные знаки, язык [2].

Язык – это ценнейшая сокровищница человека и народа, средство передачи мысли, наследия, культуры. Однако язык – это не только грамматические и другие правила, язык – не математическая формула с определёнными фигурами и формулами. Язык – это живой организм, который в свою очередь существует не в вакууме, а в определённой среде, которая постоянно влияет на него, изменяет, обогащает или обедняет, добавляет различные оттенки и смыслы. На него влияют персональные и коллективные особенности, культурные, профессиональные, региональные. Чтобы понимать, знать, пользоваться языком, сухое знание слов и правил недостаточно. Нужны знания и представления о мире, принципах языкового общения, социальном контексте, об адресате, о его культуре и об особенностях, знание других дисциплин и т. д. Ни один из этих типов знания не преобладает над другим, только комплексное их изучение и осознание, как они связаны друг с другом, как они переплетаются и взаимодействуют, позволяет нам приблизиться к пониманию самой сути языка и языковой коммуникации, в том числе в аспекте перевода.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение сложных процессов, лежащих в основе перевода,

того, как изменяется восприятие культурно значимых концептов при их передаче из одного языкового и культурного контекста в другой, является сложным малоизученным аспектом лингвистики.

Целью данной статьи является анализ референциального фактора языковых средств, детерминирующих концепты “свобода” и “контроль” в романе Джорджа Оруэлла “1984”, и его влияния на референциальный выбор переводчика. Это позволит выявить различия в восприятии концептов в разных культурах и расширить понятие переводческих стратегий.

Проведённый анализ доказывает влияние референциальной перцепции (персональной и коллективной) на переводческие решения, что способствует более глубокому пониманию взаимодействия языка и культуры. Полученные результаты могут дополнить существенную нехватку исследований в переводческих исследованиях референциального аспекта.

Научная новизна исследования заключается в новом подходе к анализу перевода, акцентирующем внимание на референциальной перцепции переводчика и читателей, который включает в себя не только языковые факторы, но и экстралингвистические.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды А.А. Кибрика [Reference in discourse, 2011], Н.Н. Болдырева [Когнитивные схемы языковой интерпретации, 2016], А.В. Кравченко [Essential properties of language, or, why language is not a code, 2007], С.В. Власенко [Референция и референциальность в межъязыковом переводе, 2010], А.Д. Швейцера [Теория перевода, 1988], Н.Д. Арутюновой [Лингвистические проблемы референции, 1982], Н.К. Гарбовского [Логические основания переводческих трансформаций, 2007], Ю.С. Степанова [Константы: Словарь русской культуры, 2004].

Для решения задач, поставленных в исследовании, используется комплексный подход к анализу художественного текста, который включает в себя несколько методов:

➤ *Когнитивный анализ текста*: изучение оригинального текста романа Джорджа Оруэлла “1984” с целью выявления ключевых концептов “свобода” и “контроль”; анализ

текста с точки зрения ассоциаций, вызываемых этими концептами в рамках англоязычной культуры.

➤ *Сравнительный анализ переводов*: анализ двух переводов романа на русский язык; сравнение переводов с оригинальным текстом для выявления различий в передаче концептов “свобода” и “контроль”; определение, как данные переводы изменяют ассоциации и эмоции, связанные с ключевыми концептами.

➤ *Референциальный анализ*: изучение референциальной индивидуальной перцепции переводчика, анализ способов репрезентации концептов в переводах; определение референциальных статусов языковых и неязыковых средств и семантического сдвига в передаче концептов на русский язык.

➤ *Ассоциативный эксперимент*: проведение эксперимента среди студентов кафедры теории и практики английского языка и межкультурной коммуникации КРСУ; разделение участников на 3 группы в соответствии с вариантами текста: оригинального на английском языке и двух переводов на русский язык; сбор данных об ассоциациях и эмоциях, вызываемых отрывками на разных языках и от разных переводчиков.

В качестве фактического материала исследования послужили оригинальный текст романа “1984” Джорджа Оруэлла и два варианта его перевода на русский язык (Н.Е. Андреева и Н.С. Витова, В.П. Гольшева). В качестве апробации полученных результатов был проведён ассоциативный эксперимент среди студентов.

С рождения люди мыслят и оперируют концептами, понятиями, представлениями о мире и лишь позже учатся выражать их словами в речи. Обращая концепты в слова, люди учатся классифицировать, категоризировать, анализировать окружающий их мир и предметы, что позволяет лучше понять и познать этот мир и самих себя. Язык позволяет нам не только хранить и передавать какую-то информацию, но и обрабатывать и систематизировать её.

В данном исследовании мы принимаем вслед за Ю.С. Степановым идею о том, что

концепт – это концентрация приобретённого и накопленного человеком опыта, знаний и культурного аспекта, получившая знаковое имя в языке, что это сгустки культурной среды в сознании человека [3].

С рождением когнитивной лингвистики учёные начали осознавать, что наш разум не работает как механическое устройство, как компьютер, искусственный интеллект, который можно запрограммировать. Человеческий мозг устроен намного сложнее и до сегодняшнего дня не поддаётся пониманию. Большинство задач мы решаем, опираясь на свои скрытые знания и опыт, точно так же, как и для понимания каких-то высказываний, для освоения языка мы обращаемся к своим знаниям о мире [1, с. 22]. Чтобы понять какую-либо идиому, реципиенту недостаточно знать лишь семантическое значение отдельных слов: для достоверного понимания требуются знания истории и культуры, ведь многие высказывания имеют символическое значение и не всегда относятся напрямую к названным предметам – их образное значение входит в рамки определённого концепта.

В процессе мышления человек оперирует понятиями – это основные средства и формы мышления. Выделяя в конкретных предметах и явлениях характерные для них общие черты, свойства и законы, человек объединяет их в одну абстрактную идею – концепт в своём сознании [2]. И поскольку, исходя из определения, само это понятие не существует в материальной реальности, а лишь только в сознании определённого индивида или группы, формой существования для него становится знаковое, языковое выражение. Например, когда мы говорим о животном, мы не ограничиваемся каким-то конкретным существом перед глазами, а объединяем всех живых существ, которых мы видели и можем представить, в одно понятие.

Сформированное понятие может быть индивидуальным, уникальным, понятным лишь одному человеку, а может быть и коллективным, созданным в процессе совместной жизнедеятельности одной группы. Если в сознании участников коммуникации один и тот же предмет имеет различную форму концепта, то они будут использовать и другие языковые выражения для его обозначения, что приведёт

к недопониманию или даже конфликтам. Недопонимание пресуппозиции может быть вызвано персональными особенностями или же групповыми – профессиональными, территориальными, культурными.

Различные трактования понятий могут быть связаны с уровнем образования и профессиональными особенностями. Например, люди, далёкие от астрономии, склонны называть солнце и луну планетами, потому что в соответствии с их знаниями эти объекты подходят под упрощённое понятие ‘планета’ – большой круглый объект в космосе. В понимании учёных или людей, интересующихся астрономией, ‘планета’ – это небесное тело, которое вращается вокруг звезды.

В случае наличия нескольких возможных вариантов толкования выбор слов и смыслов делается на основе контекста, обстановки, опыта, знаний и т. п. Это принято называть референциальным выбором. Г.В. Чернов называет референцией мыслительный процесс в сознании, при котором то, о чём говорится в высказывании, соотносится с некоторой категорией или классом предметов мысли или событий [4, с. 74].

Роль референции и референциального выбора в процессе перевода понимается нами как основополагающая. Учёные-переводоведы давно обсуждают идеи референции в своих теориях. Например, А.Д. Швейцер предложил типы эквивалентности и описал отношения между оригиналом и переводом как иерархию уровней эквивалентности. Он выделил референциальный уровень как один из ключевых в этой иерархии. Кроме того, он подчеркнул важность сохранения референциального значения слов в переводе для передачи общего смысла текста [5, с. 87].

Изучив понятия “персональная референциальная перцепция” (ПРП) и “коллективная референциальная перцепция” (КРП), мы можем приблизиться к пониманию того, как именно люди воспринимают и интерпретируют информацию в тексте и как это влияет на процесс перевода.

Персональная референциальная перцепция отражает индивидуальное восприятие каждым человеком содержания текста и его элементов, основанное на его собственном опыте, убеждениях и предпочтениях. Коллективная референциальная перцепция описывает общее

восприятие текста группой людей, разделяющих в сознании определённые культурные, исторические и социальные аспекты. Оценка этих двух феноменов помогает предположить, как различные группы людей будут трактовать текст в зависимости от их персональных или коллективных различий. Это становится важным фактором при принятии решений о выборе соответствующих переводных решений для передачи референциального значения текста и его контекста.

Н.К. Гарбовский говорит о понятии “внеположенность” – фактор, который не позволяет переводчику добиться желаемой эквивалентности ввиду того, что референциальные статусы исходных высказываний и переводных не совпадают [6]. Зачастую при переводе могут возникать ситуации, когда конкретные обозначения или концепции в исходном тексте не имеют точных аналогов или имеют другую смысловую окраску в целевом языке или культуре. Такие ситуации могут привести к необходимости внесения изменений в перевод, чтобы добиться желаемой референции и сделать текст более понятным и соответствующим культурным ожиданиям целевой аудитории. К таким ситуациям могут относиться идиомы, культурно-специфические выражения, обычаи или концепции, уникальные для определённой культуры, группы или общества, профессиональные термины или понятия. Для адаптации таких случаев переводчику требуются не только знания своей и иностранной культуры, но и понимание их различий и разницы восприятия. Это помогает переводчикам принимать оптимальные решения в выборе наиболее подходящих переводных стратегий для передачи смысла и контекста исходного текста на целевой язык и для целевой аудитории.

Мы предполагаем, что референциальный статус языковых средств переводных текстов часто не совпадает ввиду различных способов детерминации концептов и разницы их восприятия в различных культурах, что приводит к семантическому сдвигу при переводе и когнитивному диссонансу.

Ниже представлены фрагменты анализа оригинального текста романа “1984” Джорджа Оруэлла и варианты его перевода на русский язык двух переводчиков:

- (1) *It (poster) depicted simply an enormous face, more than a metre wide: the face of a man of about forty-five, with a heavy black moustache and ruggedly handsome features* [7, с. 3].

Прототипами океанийского диктатора часто называют Иосифа Сталина и Горация Китченера (военный министр Великобритании во времена Первой мировой войны). Описание Большого Брата в романе совпадает с внешностью и манерой правления этих людей.

Сам же портрет Старшего Брата в романе по стилистике напоминает американский фильм по книге посла США в СССР Дж. Дэвиса “Миссия в Москву”. Стандартная приторность портрета усиливает смутно проступающую к контексту романа идею о том, что Старший Брат – это фикция пропаганды и реально не существует [прим. редактора книги].

Никто никогда не видел самого Старшего Брата вживую, он является маской, в которой правящая партия показывает себя миру, чтобы усилить психологическое влияние и контроль над людьми. Человеку намного проще ассоциировать эмоции любви, страха и почитания с определённым человеком, чем с целой безликой организацией. Плакат с лицом является символом тоталитарного контроля и наблюдения. Большое лицо с тяжёлыми чёрными усами и грозным выражением передаёт уже реальный устоявшийся образ авторитарного лидера, который наблюдает за жителями. Такой символизм подчёркивает концепт контроля.

Представители разных культур или даже разных поколений в одной культуре могут представить себе любого другого реально существующего в истории лидера с такими качествами, поскольку они ассоциируют данное описание с различными историческими фигурами, которые для них имеют большее значение, т. е. описанный образ можно назвать собирательным. Эти ассоциации формируются на основе культурных и исторических контекстов, которые влияют на восприятие и интерпретацию образа Большого Брата.

Таким образом персональная референциальная перцепция играет ключевую роль в том, как каждый человек воспринимает исторические аналогии и связывает их с литературными образами, такими как Большой Брат, который уже стал

именем нарицательным для обозначения правительства или человека, который стоит выше.

- (2) *На плакате было изображено громадное, больше метра в ширину, лицо, – лицо человека лет сорока пяти, с густыми чёрными усами, грубое, но по-мужски привлекательное* [8, с. 3].
- (3) *Он (плакат) изображал громадное – более метра в ширину – лицо мужчины лет сорока пяти с густыми чёрными усами и с грубо-красивыми чертами* [9, с. 8].

Русский перевод достаточно точно передаёт ощущения при взгляде на портрет Большого Брата, однако можно отметить некоторые расхождения в восприятии. В английском языке слово *man* имеет два значения: ‘человек’ и ‘мужчина’. Различия в выборе слов и их восприятии могут свидетельствовать о том, как каждый переводчик воспринимает и интерпретирует описание Большого Брата и его значение в контексте романа. Используя слово *человек*, переводчик уже наделяет его некоторыми человеческими характеристиками, хотя мы знаем, что сам Старший Брат – это лишь собирательный нарицательный образ. К тому же слово *человек* придаёт образу более общий и нейтральный оттенок, не фокусируясь исключительно на половой принадлежности. В то время как использование слова *мужчина* во втором переводе может подчёркивать более устрашающий (как для женщин, так и для мужчин) характер портрета, что соответствует образу тоталитарного лидера.

В ходе эксперимента опрошенные также отмечали, что пример (2) звучит мягче, чем пример (3). А сам описанный в целом образ ассоциируется с военными плакатами. Многие респонденты, будучи потомками культуры Советского Союза и знакомыми с его историей, ассоциируют образ с политическими лидерами, особенно с Иосифом Сталиным, поскольку это наиболее близкий образ в их сознании.

Очень сильной в данном отрывке является словоформа *громадный* с эквивалентным значением *enormous*. Контролировать других людей может только огромная мощная фигура, довлеющая над простыми людьми. В обоих переводах из длинного списка синонимичных слов (‘большой’, ‘колоссальный’, ‘обширный’, ‘огромный’,

‘здоровенный’) выбор пал на слово *громадный*, поскольку ввиду фонетического строя русского языка слово, начинающееся на два согласных звука (к тому же твёрдых, один из которых характерный звук *p*), звучит угрожающе и устрашающе, будто рёв или рычание помогает достичь тех самых эмоций страха и угнетения при передаче концепта:

- (4) *It was one of those pictures which are so contrived that the eyes follow you about when you move. BIG BROTHER IS WATCHING YOU, the caption beneath it ran* [7, с. 3].

Фраза *Big Brother is watching you* под плакатом и концепция везде следующих за вами глаз прямо указывает на постоянное наблюдение и слежку со стороны власти. Это выражение подчёркивает подавление личной свободы и вмешательство в частную жизнь граждан. К тому же любой человек, да и животное, будет чувствовать себя не в своей тарелке и тревожиться, словно добыча, под пристальным взглядом хищника или охотника:

- (5) *Портрет был выполнен так, что, куда бы ты ни стал, глаза тебя не отпускали. “Старший брат смотрит на тебя”, – гласила подпись* [8, с. 3].

В английском языке *Big Brother* означает не только ‘старший брат’, но и старший по званию, человек с силой и полномочиями. В русском переводе романа чаще всего используют фразу *Старший Брат*, которая звучит мягче в силу аналогии со старшим братом в семье, чем *Big Brother*, которая может ассоциироваться с более грозным образом. В оригинале акцент делается на мощи и величии тоталитарного режима, в переводе же акцент смещается на его ‘отеческую’ заботу и опеку.

Потеряла своё оригинальное значение и фраза *is watching*. В переводах наблюдается разница в восприятии самого действия, поскольку в английском языке используется глагол во времени Present Continuous (понятие которого отсутствует в русском языке), обращая внимание людей на то, что Большой Брат смотрит на них прямо сейчас и они не должны забывать об этом и совершать неверные поступки, ведь Большой Брат всё видит и знает. В русском же языке глагол *смотрит* указывает на факт наблюдения

в общем, но не передаёт ощущения, что за вами наблюдают прямо сейчас, никуда не спрячетесь:

(6) *Это был один из тех портретов, на которых глаза посажены как-то так ловко, что следуют за вами, куда бы вы ни двинулись. “Старший Брат охраняет тебя” – гласила надпись под портретом* [9, с. 8].

В данном примере концепция контроля меняется на концепцию охраны и заботы, что сочетается со значением отцовской опеки русской фразы *Старший Брат*, но звучит менее угрожающе, чем *смотрит, наблюдает, видит*. В переводе подразумевается, что Большой Брат защищает и заботится о жителях Океании, как родной брат или даже отец.

Однако стоит отметить, что слово *охраняет* достаточно хорошо вписывается в контекст романа и тоталитарного государства, которое старается убедить людей, что всё делается для них же самих, и Старший Брат, а точнее правительство, наблюдает за ними ради их защиты, а не для контроля их действий. Стоит отметить и тот факт, что в рамках такого строя и в условиях цензуры говорить что-то плохое или компрометирующее о вожде, партии, правительстве было непозволительным.

К тому же русскоязычный переводчик может подчеркнуть аспект защиты и безопасности, учитывая исторический опыт России с централизованным контролем и политическим строем. Несмотря на то что многие историки называют режим Сталина жестоким и тоталитарным, большинство людей, живущих при нём, действительно считали, что всё, что делается, делается для них самих. Здесь стоит брать во внимание то, к какому поколению относятся реципиенты, поскольку отношение к политическим режимам меняется в зависимости от персонального опыта (те, кто жили в то время, и те, для кого это уже далёкая история).

Различие восприятия концепта контроля можно проследить и на бытовом уровне: родители в англоязычных странах стараются минимизировать контроль над детьми, уважая их личное пространство; в русскоязычной культуре родители чаще контролируют детей, видя в этом заботу и защиту от возможных опасностей.

Стоит отметить способ написания этой фразы – в оригинальном тексте и первом варианте перевода фраза написана целиком заглавными буквами, за счёт чего и выглядит устрашающе, в то время как во втором варианте фраза написана буквами строчными, что создаёт нейтральный эффект.

Все участники эксперимента были согласны во мнении, что английский вариант звучит более агрессивно и устрашающе. Что же касается русского варианта, молодые участники отмечают, что пример (5) звучит не так устрашающе, но всё же неприятно, в то время как пример (6) воспринимается теплее, с чувством защищённости.

(7) *From where Winston stood it was just possible to read, picked out on its white face in elegant lettering, the three slogans of the Party:*

WAR IS PEACE

FREEDOM IS SLAVERY

IGNORANCE IS STRENGTH [7, с. 5].

WAR IS PEACE – один из лозунгов партии, подчёркивающий искажённое понимание свободы в Океании, представляет собой оксюморон, который связывает понятие свободы с рабством, что определяет референциальный статус фразы и отражает парадоксальный характер свободы в обществе: свобода оборачивается порабощением, что, в свою очередь, может быть правдой, поскольку, как показывает многолетняя история человечества, за мир нужно бороться.

Из своего окна Уинстон мог прочесть на белом фасаде написанные элегантным шрифтом три партийных лозунга:

ВОЙНА – ЭТО МИР

СВОБОДА – ЭТО РАБСТВО

НЕЗНАНИЕ – СИЛА [8, с. 5].

Оттуда, где стоял Уинстон, можно было прочесть три лозунга Партии, высеченные изящными буквами на белом фоне здания:

ВОЙНА – ЭТО МИР

СВОБОДА – ЭТО РАБСТВО

НЕВЕЖЕСТВО – ЭТО СИЛА [9, с. 10].

Обратим внимание на третий слоган партии. *Незнание* означает просто ‘не знать о чём-то’, а *невежество* имеет более негативную коннотацию, чем ‘незнание’. Значение слова *невежество* также ближе к политике Океании: чем глупее жители, тем проще ими управлять, чтобы

они не задавали лишних вопросов, не сомневались в Старшем Брате и делали всё, что он им говорит.

Взрослые участники эксперимента отмечали, что второй вариант перевода в целом звучит более официально, “партийно”, будто переводчик работает не с художественным произведением, а с официальными документами. Такое ощущение вызывает структура построения предложения: во втором варианте перевод фразы *Уинстон мог прочесть более безликий – можно было прочитать*. Однако именно такая структура и была использована в оригинале, так что во втором переводе была соблюдена авторская стилистика.

(10) *it would be punished by death, or at least by twenty-five years in a forced-labour camp* [7, с. 7].

(11) *Уинстона ожидает смерть или, в лучшем случае, двадцать пять лет каторжного лагеря* [8, с. 7].

(12) *ему пришлось бы, вероятно, заплатиться жизнью или, в лучшем случае, двадцатью пятью годами концентрационных лагерей* [9, с. 11].

Здесь отражены суровые последствия за попытку начать вести свой личный дневник и выразить индивидуальность, подчёркивая уровень контроля над гражданами. В английском языке подразумевается, что подобное действие наказуемо (*it would be punished by death*), в русском же акцент направлен на самого человека и на то, что его ожидает.

Требуют анализа и способы перевода термина *forced-labor camp*, который можно связать с принудительными работами или даже рабством. В русском языке появились два разных варианта перевода с разнящимися коннотациями.

В каторжные лагеря (на каторгу) чаще всего ссылали по решению суда с целью исправления преступников путём тяжёлого труда. Помимо исправительной цели, такие лагеря способствовали заселению отдалённых территорий страны. Такой тип лагерей чаще всего ассоциируется с царской Россией.

В концентрационных лагерях люди содержатся без суда и следствия, часто по политическим, расовым или религиозным мотивам.

Основные цели концентрационных лагерей – изоляция, подавление или даже устранение оппозиционных или неприемлемых для режима фигур. Они чаще всего ассоциируются с нацистской Германией во время Второй мировой войны, но также использовались и в других странах.

(13) *As usual, the face of Emmanuel Goldstein, the Enemy of the People, had flashed on to the screen* [7, с. 15].

В оригинале Оруэлл подчёркивает образ врага народа, чьё лицо вызывает страх и отвращение у зрителей. История Голдстейна, как ренегата и отступника, который был важной фигурой в Партии, усиливает контраст между его бывшей властью и нынешним положением как объекта ненависти.

В соответствии с комментарием редактора прототипом Голдстейна является Лев Троцкий, революционер и один из лидеров большевистской партии, который позже стал политическим оппонентом Сталина. Сходство между Голдстейном и Троцким заключается не только в описании внешности и манеры разговора, но и в их высоком положении в правящей партии, последующем противостоянии режиму и изгнании:

(14) *Как всегда, на экране появился враг народа Эммануэль Голдстейн* [8, с. 10].

(15) *Как обычно, на экране замелькало лицо врага народа Эммануила Гольдштейна* [9, с. 14].

Расхождение в переводах наблюдается лишь в способе передачи имени персонажа. В первом переводе *Эммануэль Голдстейн* сохраняет англоязычное произношение, в то время как второй перевод использует более русифицированное *Эммануил Гольдштейн*. Оба варианта сохраняют отсылку к историческому прототипу Троцкого. Однако второй вариант звучит более приближенной отсылкой к реальности, учитывая тот факт, что при рождении Троцкому была дана фамилия *Бронштейн*.

Важным аспектом является то, что имя Голдстейн в обоих переводах сохраняет еврейское происхождение, что усиливает исторические параллели и культурные коннотации, связанные с преследованием и дискриминацией. Это создаёт у русскоязычного читателя

дополнительные ассоциации с еврейскими интеллигентами и революционерами, такими как Троцкий, которые были как идолами, так и объектами ненависти в различные исторические периоды.

Также стоит отметить различия в эмоциональном оттенке фраз *появился* и *замелькало*. Фраза *появился враг народа* в первом переводе звучит более нейтрально, тогда как *замелькало лицо врага народа* во втором переводе передаёт ощущение быстроты и мимолётности, что может подчеркнуть неустойчивость и изменчивость образа врага народа в сознании людей.

Лишь малая часть участников эксперимента смогла провести параллели между этими фигурами. Узнать в описании литературного персонажа реальное историческое лицо в основном помогли фраза *враг народа*, описание жизненного опыта, а также манеры разговора, которую автор сравнивал с овечьим бляением, и детальное описание персонажа, как представителя еврейской национальности:

(16) *Take 'good', for instance. If you have a word like 'good', what need is there for a word like 'bad'? 'Ungood' will do just as well – better, because it's an exact opposite, which the other is not* [7, с. 66].

Отрывок обращает внимание на манипуляции с языком, которые могут использоваться для контроля над мыслями жителей. Упрощение грамматического и лексического строя языка приводит к “упрощению” мыслительной деятельности человека (возвращаясь к концепции невежества в рамках романа). Даже такие базовые понятия, как *хорошо* и *плохо*, могут подвергаться переопределению, чтобы служить интересам контролирующей структуры, в данном случае Партии:

(17) *Возьми, например, “хорошо”. Если есть такое слово, то зачем нужно ещё “плохо”? “Нехорошо” ничуть не хуже, даже лучше, потому что оно прямо противоположно, чего нельзя сказать о “плохо”* [9, с. 36].

(18) *Возьмём, например, “голод”. Если есть слово “голод”, зачем вам “сытость”? “Неголод” ничем не хуже, даже лучше, потому что оно – прямая противополож-*

ность, а “сытость” – нет. Или оттенки и степени прилагательных. “Хороший” – для кого хороший? А “плюсовой” исключает субъективность [8, с. 32].

В первом переводе сохраняется идея замены слова *плохо* на *нехорошо*. Во втором же переводе приводится другой пример – *голод* и *сытость*, – чтобы проиллюстрировать тот же принцип. Это может быть связано с тем, что в оригинале искусственно созданное слово *ungood* не существует в английском языке и противоречит правилам словообразования, в то время как в русском языке в различных вариациях функционирует слово *нехорошо*. Таким образом, уже не получилось бы полностью передать концепцию абсурдности насильственного изменения норм языка. Переводчик также мог считать, что референция к концептам голода и сытости может быть более экспрессивным и ярким решением:

(19) *Suddenly he was standing on short springy turf, on a summer evening when the slanting rays of the sun gilded the ground. <...>. It was an old, rabbit-bitten pasture, with a **foot-track** wandering across it and a **molehill** here and there* [7, с. 28].

(20) *Вдруг он очутился на короткой, упругой травке, и был летний вечер, и косые лучи солнца золотили землю. <...> Это был старьёй, выщипанный кроликами луг, по нему бежала **тропинка**, там и сям виднелись кротовые **норки*** [8, с. 28].

(21) *Внезапно он оказался на лужайке, поросшей короткой упругой травой. Был летний вечер, и косые лучи солнца золотили землю. <...> Это было старое, потравленное кроликами пастбище, с бегущей по нему пешеходной тропинкой и с кротовинами то тут, то там* [9, с. 24].

Концепция свободы всегда ассоциировалась с природой и её безграничными просторами. В данных примерах не наблюдается каких-либо различий в этом плане, но тем не менее русский перевод, в отличие от оригинала, звучит легко и вдохновенно. Русский язык обладает одной удивительной особенностью, которая помогает добиться таких эмоций – уменьшительно-ласкательная форма слов. *Травка, тропинка, норки,*

ветерок создают более уютную атмосферу свободы, спокойствия и умиротворения. Эти формы слов усиливают субъективное восприятие мира героя, подчёркивая его эмоциональную связь с природой и ощущение безопасности, которое он испытывает. В то время как английский язык звучит довольно нейтрально.

В оригинальном тексте используется более сухая и объективная лексика, что создаёт впечатление спокойного, но отдалённого описания сцены. Английский текст акцентирует внимание на конкретных деталях (*rabbit-bitten pasture, foot-track, molehill*), что придаёт ему реалистичность и некоторую приземлённость. В русском переводе выбор слов *очутился (was), бежала тропинка, виднелись кротовые норки* создаёт более плавное и мягкое описание, в котором есть элемент вдохновлённости и лёгкости.

Переводчики используют разные подходы к передаче одного и того же текста: первый перевод более поэтичен и лиричен (*выщипанный кроликами луг, там и сям виднелись кротовые норки*), тогда как второй перевод более структурирован и точен (*потравленное кроликами пастбище, кротовинами то тут, то там*). Эти различия в переводах могут быть объяснены стилем переводчиков и их интерпретацией оригинального текста. Первый перевод стремится передать эмоциональный и чувственный опыт героя через мягкость и уют, а второй придерживается более строгого и детального описания. Это отражает разные подходы к адаптации текста для русскоязычного читателя, где один акцентирует внимание на эмоциональном отклике, а другой – на точности и детализации.

Рассмотренные фрагменты текстов с различной коннотацией и семантическим сдвигом при переводе с английского на русский язык показывают важность учёта ПРП и КРП при переводе и их влияние на конечный результат. Это также подчёркивает необходимость культурного контекста и глубокого понимания целевой аудитории при работе переводчика.

Оруэлл критиковал тоталитарную политику СССР при Сталине, но в то же время хотел понять её. Однако он никогда не посещал СССР, поэтому его знания о Советском Союзе были просто основаны на том, что он читал в книгах

и газетах. Его восприятие и понимание советской политики и общества строились на основе доступной ему информации, которая, в свою очередь, была подвержена как собственным предубеждениям, так и субъективным интерпретациям источников.

Это подчёркивает важность контекста и доступной информации для формирования взглядов на политические и социальные системы. В контексте перевода его произведений на другие языки, особенно в странах с различными политическими и культурными контекстами, переводчики могли воспринимать и трактовать его позицию по-разному. Некоторые могли усиливать его критику советской системы, другие – смягчать её, а третьи – пытаться сохранить баланс и передать его намерения наиболее точно. Помимо этого, переводчики могли также вносить собственные интерпретации и эмоциональные оттенки, что могло повлиять на спектр эмоций, вызываемых переведённым текстом. Таким образом, перевод Оруэлла и его позиции мог быть подвержен разнообразным интерпретациям в зависимости от культурного и политического контекста перевода.

На первый взгляд может показаться, что такие, казалось бы, универсальные понятия, как *свобода* и *контроль*, не связаны с культурными различиями, а потому не требуют какой-либо адаптации при переводе. Однако в ходе исследования было выявлено, что в контексте референциальных статусов языковых средств, передающих концепты “свобода” и “контроль”, англоязычная культура чаще выходит на ассоциации контроля с ущемлением тоталитарным режимом, нарушением прав человека, рабством, в то время как русскоязычная культура видит в контроле заботу, охрану и благо. В рамках концепта “свобода” в русском языке используются более возвышенные, вдохновенные, поэтические выражения, в то время как в английском присутствуют лишь нейтральные словоформы, описывая свободу как что-то обыденное, само собой разумеющееся.

Эти различия в восприятии отражаются в переводе текстов, где переводчики стараются передать не только буквальное значение слов, но и эмоциональные оттенки, соответствующие

референциальным перцепциям и культурным контекстам. Именно поэтому возникают семантический сдвиг и различия в выборе слов при переводе текстов с одного языка на другой. Основной целью перевода художественного произведения являются не сколько приближенность и точность, сколько качество спектра вызываемых эмоций.

Исследование подтвердило гипотезу о том, что различия в культурных и когнитивных контекстах приводят к семантическому сдвигу при переводе. Переводчики сталкиваются с вызовом передачи не только значений слов, но и культурных ассоциаций, которые они несут в себе. Помимо этого, значительную роль в процессе перевода играет не только коллективная перцепция, но и персональная перцепция переводчика.

В качестве перевода был взят текст, над которым совместно работали Н.Е. Андреев и Н.С. Витов. Важно отметить, что это был один из первых переводов, который вышел в 1955 году – вскоре после публикации оригинального романа – и который было запрещено распространять на территории СССР. Первым издателем первого русского перевода романа “1984” было антисоветское издательство “Посев”. Ясно, что у данных переводчиков имелись свои личные убеждения, касающиеся политического строя СССР и его вождей.

В 1989 году решился перевести роман другой переводчик, В. Гольшев, который в своих работах стремился добиться максимальной приближенности к оригиналу, редко прибегая к каким-либо трансформациям, обусловленным культурными различиями, – чаще различиями в грамматическом строе языков. Этот перевод вышел немного позже, но является наиболее распространённым и считается “классическим”. По словам Гольшева, цензура начинается с переводчика, который практикует самоцензуру, заключающуюся уже в самом выборе: перевести книгу или нет. Он сам говорит, что никогда не подвергал цензуре свои переводы, потому что, если это необходимо, он считает, что лучше пока не переводить книгу, так как каждая модификация наносит ущерб тексту [10].

Различия этих переводов были проиллюстрированы в анализе данного исследования.

Первые переводчики, соприкасаясь с текстом в период, когда политическая обстановка в СССР была напряжённой, неизбежно отразили свои убеждения и точку зрения на политическую реальность того времени. Их перевод выделяется определённой политической окраской, которая, несомненно, повлияла на трактовку и передачу содержания романа.

С другой стороны, В. Гольшев в своём переводе, выполненном позже и в условиях уже иной политической конъюнктуры, стремился к максимальной близости к оригиналу без дополнительной интерпретации или политической агитации. Его подход к переводу отличается более строгой лингвистической ориентацией, минимизируя вмешательство в текст в соответствии с личными убеждениями.

Такие различия в подходах к переводу отражают сложные дилеммы, стоящие перед переводчиком: между верностью оригиналу и адаптацией к культурным особенностям и читательской аудитории. Каждый переводчик, исходя из своих ценностей и убеждений, делает выбор, как интерпретировать и передать текст на другой язык, что в итоге создаёт уникальные варианты одного и того же произведения. Эти различия становятся не только объектом академического исследования, но и отражением культурных, политических и личностных контекстов, в которых осуществляется перевод и происходит восприятие текста.

Существенным результатом исследования является выявление влияния индивидуальной и коллективной когнитивной базы на продукт перевода. Личный опыт, образование, социальное окружение, политические убеждения – всё это формирует уникальное восприятие мира и, следовательно, влияет на способы детерминации концептов и их передачи при переводе. Кроме того, анализ переводов выявил, что эмоциональное восприятие и передача смысла текста зависят от личного опыта и культурного багажа как переводчика, так и читателя. Переводчики выбирают слова и выражения, которые наилучшим образом передают смысл и эмоциональный оттенок оригинального текста, учитывая восприятие целевой аудитории.

Перевод литературного текста всегда является не просто трансляцией слов, но и передачей

культурного кода, который включает в себя исторические, социальные и философские аспекты оригинала. Важно также учитывать, что восприятие определённых концептов и образов может изменяться в зависимости от времени и культурных трендов. Например, в современном мире понимание свободы и контроля может отличаться от восприятия этих понятий в прошлом.

Таким образом, эффективный перевод текста требует не только точного воспроизведения смысла оригинала, но и учёта культурных особенностей и контекста, чтобы максимально передать авторский замысел и создать понятное и эмоционально насыщенное произведение для целевой аудитории. В этом процессе ключевую роль играет переводчик, который должен уметь балансировать между личными и общественными культурными ориентирами, чтобы донести смысл текста с максимальной точностью и адекватностью.

Поступила: 07.06.24; рецензирована: 21.06.24;
принята: 24.06.24.

Литература

1. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. 9-е изд., стер. М.: ФЛИНТА 2018. 296 с.
2. *Фирмаль Л.А.* Соотношение мышления и речи / Л.А. Фирмаль. URL: <https://lfirmal.com/sootnoshenie-myshleniya-i-rechi/> (дата обращения: 8.05.2024).
3. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. / Ю.С. Степанов. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 42–67.
4. *Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода / Г.В. Чернов. М., 1987.
5. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. М., 1988.
6. *Гарбовский Н.К.* Логические основания переводческих трансформаций / Н.К. Гарбовский // Язык и действительность: сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. М., 2007. С. 303–323.
7. *Orwell George.* Nineteen Eighty-Four. London: Penguin Classics, 2021. First published 1949 by Secker and Warburg (London).
8. *Оруэлл Джордж.* 1984 / Джордж Оруэлл; пер. В.П. Гольшева. М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2021. 275 с.
9. *Большой Джордж Оруэлл.* 1984. Скотный двор. Памяти Каталонии / Д. Оруэлл. М.: «Алисторус», 1939, 1945, 1949 (перевод М. Кригер, Г. Струве, Н. Андреев, Н. Витов).
10. *Матвеев П.* Некуда проснуться / П. Матвеев // Colta: [сайт]. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/3497-nekuda-prosnutsya> (дата обращения: 18.05.2024).